

ЭДУАРДО ВЕЛАСКО

СПАРТА И ЕЕ ЗАКОНЫ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 94
ББК 63.3(0)3 2
В27

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Ислам Паштов.

Веласко, Э.

В27 Спарта и ее законы. — М.: Тотенбург, 2024. — 190 с.

Перед вами популярное изложение истории и структуры Спартанского государства, написанное испанским публицистом и историком античности Эдуардо Веласко. В книге автор приводит этнографию спартанцев, раскрывая перед читателем евгенические практики и идейные устремления, позволявшие им долгое время сохранять автаркическое господство в регионе. Орденовое мировоззрение, расовый реализм и языческая духовность составляли основу национального социализма железного века. Работа Э. Веласко — это приглашение к дискуссии всех европейцев, которым не чужд ни блеск спартанского архетипа, ни вопрос заката лакедемонянской цивилизации.

**УДК 94
ББК 63.3(0)3 2**

© Ислам Паштов,
перевод с английского, 2024

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ИСТОКИ СПАРТЫ	10
ПЕРВОЕ РАЗВИТИЕ СПАРТЫ:	
МЕССЕНСКИЕ ВОЙНЫ	19
ЛИКУРГ И РЕВОЛЮЦИЯ	26
НОВАЯ СПАРТА	37
ЕВГЕНИКА И РАННЕЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ.....	42
ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ	49
ОБРАЗОВАНИЕ ПОДРОСТКОВ	71
ЗРЕЛАЯ ЖИЗНЬ.....	81
ЖЕНЩИНЫ И БРАК	91
ПРАВИТЕЛЬСТВО	113
О ЯЗЫЧЕСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ, РЕЛИГИОЗНОМ ЧУВСТВЕ СПАРТАНЦЕВ И ПРЕВОСХОДСТВЕ НАД АФИНЯНАМИ.....	120
ПРЕВОСХОДСТВО НАД АФИНАМИ.....	131
СПАРТАНСКАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ НИЗШИХ: КРИПТИЯ	135
ВОЙНА	140
БИТВА ПРИ ФЕРМОПИЛАХ КАК ПРИМЕР ГЕРОИЗМА.....	150
ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ СПАРТЫ	167
СУМЕРКИ СПАРТЫ.....	171
УРОК СПАРТЫ	183
ВЫЖИВАНИЕ СПАРТАНСКОГО АРХЕТИПА ..	186

Если бы мне пришлось выбирать девиз для себя, я бы выбрала этот — pure, dure, sûre [чистый, твердый, определенный] — другими словами: неизменный.

Я бы выразила этим идеал сильных, тех, кого ничто не разрушает, ничто не портит, ничто не меняет; тех, на кого можно положиться, потому что их жизнь — это порядок и верность, в согласии с вечным.

Савитри Деву

ВВЕДЕНИЕ

О блаженные, далекие времена, когда народ говорил себе:
«Я хочу быть господином над народами!»
Ибо, братья мои: лучшее должно господствовать,
и лучшее хочет господствовать!
А где учение гласит иначе, там лучших не хватает.

*Ницше
«Так говорил Заратустра»*

Спарта стала первой массовой реакцией против неизбежного упадка, вызванного комфортом цивилизации, и поэтому у нее есть чему поучиться в наш век биологической и моральной деградации, вызванной техноиндустриальным обществом. Спартанцы действительно порвали со всеми пороками, порожденными цивилизацией, и таким образом поставили себя на вершину пирамиды власти в своем регионе. Все современные элитные военные традиции в какой-то мере являются наследниками того, что происходило в Спарте, и это свидетельствует о выживании спартанской миссии.

В этой книге мы собрали сведения из разных источников, отдавая предпочтение классике. Историк и жрец святилища Аполлона в Дельфах Плутарх (46–125 гг. н. э.) в своем труде «Древние обычаи спартанцев и жизнь Ликурга» дает нам ценную информацию о спартанской жизни и спартанских законах, и многим из того, что мы знаем о Спарте, мы обязаны ему. Ксенофонт (430–334 гг. до н. э.), историк и философ, отправивший своих детей учиться в Спарту, является еще одним хорошим источником информации в своей «Конституции лакедемонян». Платон (427–347 гг. до н. э.) в своем знаменитом

«Государстве» показывает нам концепцию того, как должно управляться высшее государство, перечисляя многие меры, которые, кажется, напрямую взяты из Спарты, потому что она была его вдохновением.

Сегодня наши предвзятые академики расплывчато учат, что Спарта была милитаристским и суровым государством, полностью ориентированным на власть, чья система воспитания и обучения была очень жесткой. Спартанцев нам представляют примерно как эффективных солдат, грубых и бездумных, которых «интересовала только война». Это заведомо искаженное представление о том, какими они были на самом деле, и связано оно в основном с тем, что нас учили упадочные афиняне, приправленные недобросовестностью тех, кто сегодня управляет информацией, стремясь исказить историю в угоду экономическим и другим интересам.

Спартанцы оставили неизгладимый духовный след. Тот простой факт, что и сегодня прилагательное «спартанский» обозначает качества твердости, суровости, грубости, силы, стоицизма и дисциплины, а также то, что существуют слова, описывающие влечение к Спарте (лаконофилия, филодоризм), дает нам представление о той огромной роли, которую играла Спарта. Это было не просто государство: это был архетип, максимальный выразитель доктрины воина. За идеальным фасадом храбрых мужчин и атлетичных женщин скрывался самый религиозный, дисциплинированный и аскетичный из всех народов Греции, который культивировал мудрость в уединенной и лаконичной манере, вдали от суеты и городской пошлости, появившихся уже тогда.

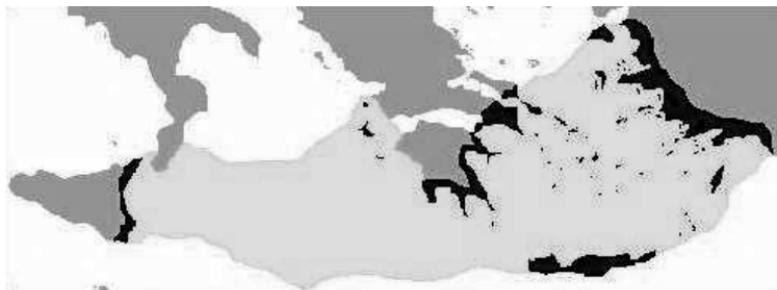
Невозможно закончить это введение без упоминания фильма «300 спартанцев», хотя большая

часть текста была написана задолго до его выхода на экраны в 2007 году. По мере чтения вы увидите, что образ жизни исторических спартанцев не имел ничего общего с персонажами, представленными в фильме, который пытается сделать спартанцев более удобоваримыми для нас, представляя их в более американизированном, сочувственном для современных умов виде, что не так уж плохо, потому что иначе послание могло бы не дойти. На более высоком уровне Спарта дает прекрасный повод обратиться к важным вопросам.

ИСТОКИ СПАРТЫ

До огромных индоевропейских вторжений Европу населяли различные доиндоевропейские народы, некоторые из которых имели развитые общества, которые мы склонны рассматривать как родственные другим цивилизациям и обществам за пределами Европы.

Сначала большая часть Греции была заселена средиземноморскими народами, которых позже эллинские захватчики назовут пеласгами. Около 2700 года до н. э. на средиземноморском острове Крит расцвела минойская цивилизация (названная в память о легендарном царе Миносе), испытавшая сильное влияние Вавилона и халдеев, явно связанная с этрусками и даже с Египтом и известная своим теллурическим «поклонением быку», Кносским дворцом, зданиями, лишенными укреплений, и обилием художественных спиралей, кривых, змей, женщин и рыб — все это относит эту цивилизацию к орбите культур теллурического характера, ориентированных на Мать-Землю, или *Magna Mater*.

Масштаб минойской цивилизации

Согласно греческой мифологии, когда первые пограничные эллины продвигались по Греции и вступали в контакт с ее жителями, минойцы потребовали в качестве ежегодной дани четырнадцать молодых мужчин, подлежащих ритуальному закланию (легенда о Тесее, Ариадне, лабиринте и минотавре напоминает об этой эпохе).

К 2000 году до н. э. произошло вторжение первой эллинской волны, которая открыла то, что в археологии называется бронзовым веком. Эллины представляли собой индоевропейскую массу, которая последовательными волнами, довольно сильно разделенными во времени, вторглась в Грецию с севера. Это были крепкие люди, более сплоченные, боевые и энергичные, чем пеласги, и в итоге они подчинили себе эти земли, несмотря на то что численно уступали коренному населению. Эти эллины были знаменитыми ахейскими греками, о которых упоминают Гомер и египетские надписи. Они принесли с собой своих богов, солярные символы (в том числе свастику, позже использованную Спартой), колесницы, вкус к янтарю, укрепленные поселения, индоевропейский язык (греческий, который в итоге навязывался коренному населению), нордическую кровь, патриархат и традиции охотников-воинов.

Ахейцы обосновались в Греции, став доминирующей кастой, не дойдя сначала до Крита. Первое разрушение минойских дворцов (около 1700 года до н. э.), вероятно, было вызвано сильным землетрясением, о котором есть свидетельства, а не вторжением ахейцев.

Ахейцы, наконец, открыли путь микенской цивилизации, центром которой был город Микены в Арголиде. В 1400 году до н. э. ахейцы силой захватили остров Крит, разрушив дворцы и окончательно

покончив с минойской цивилизацией; в конечном итоге они переняли некоторые ее внешние формы — то, что делают многие захватчики, попирающие превосходящую, но уже приходящую в упадок цивилизацию. Именно эти ахейцы около 1260 года до н. э. осадили и разрушили Трою в походе Запада на Восток, способном объединить всех ахейцев, обычно склонных к войне между собой, в общее предприятие. В «Илиаде» Гомер описывает их как банду варваров с менталитетом и внешностью викингов, разгромивших утонченную и цивилизованную Трою. После этого все западное побережье Малой Азии, Черное море и Босфор оказались под греческим влиянием — процесс, который окажет огромное влияние на историю.

Минойская и микенская цивилизации, около 1800–1400 гг. до н. э.

Около 1200 года до н. э. снова начался огромный миграционный поток. Бесчисленные индоевропейские народы в большом беспорядке двигались на юг и на восток. Все восточное Средиземноморье подверглось крупным захватам со стороны так называемых «народов моря» и других индоевропейских племен, которые вторглись в Турцию, Палестину, Египет и степи Восточной Европы и открыли археологический железный век в Восточном Средиземноморье.

Что касается микенской цивилизации ахейцев, то она также была уничтожена одним из этих нашествий. Апокалиптические упоминания в традиционной греческой истории (огонь, разрушение, смерть) заставляли многих историков ошибочно думать о сильных землетрясениях или бунтах. В этом легендарном нашествии, гораздо более масштабном, чем предыдущие, использовалось железное оружие, превосходившее бронзовое оружие ахейцев. Дорийцы, бывшие частью этого переселения и являвшиеся предками спартанцев, ворвались в Грецию с крайней жестокостью, разрушая на своем пути города, дворцы и деревни. Дорийцы захватили Крит, и микенская цивилизация ахейцев резко исчезла из археологической летописи. Арголида (на микенской земле) никогда не забывала об этом, и хотя теперь в нем текла дорийская кровь, государство Аргос и его владения в последующие века будут упорно противостоять спартанской власти.

Ранние поселения дорийцев находились на Балканах и в Македонии, где они жили в варварском или полуварварском состоянии. Они не всегда жили в этом районе, а оказались там в результате очередной миграции с севера. Наиболее разумный тезис считает местом происхождения дорийцев, наряду с кельтами,

италиками, иллирийцами и оставшимися греками, так называемую Тумульскую культуру¹ и поздние Урнопольскую² и Гальштатскую культуры: протоиндоевропейские цивилизации, племенные и полуварварские, которые процветали в Центральной Европе к северу от Альп и на юге Скандинавии. Согласно греческому историку Геродоту, дорийцы имели свою прародину «среди снегов». Генетически дорийцы, по видимому, принадлежат к патрилинейной R1b, доминирующей сегодня в Западной Европе.

По всей Европе после нашествий шла борьба (сначала открытая, а затем более тонкая) между воинственным менталитетом новых захватчиков с севера и менталитетом туземцев, склонных к разврату. Восток, Финляндия, Италия, Пиренейский полуостров и Греция были примерами этой борьбы, и, как правило, результат всегда был один и тот же: индоевропейские захватчики побеждали, несмотря на отсутствие численного превосходства. Затем они оседали в качестве знати над толпой, состоящей из потомков аборигенов и покоренных народов. На Пелопоннесе эта скрытая борьба вылилась в сверхчеловеческие плоды Спарты, так же как позже борьба между италиками и этрусками привела к появлению Рима.

В каждую эпоху и в каждом месте есть своя ведущая раса. В то время и в том месте дорийцы были доминирующей расой. Нордическая внешность, ледяная и огненная душа, врожденная дисциплина и столь естественное для них призвание сурового воина отличали их от более мирных туземцев, полностью преданных удовольствиям нижней части живо-

¹ Культура курганных погребений. — *Прим. пер.*

² Культура полей погребальных урн. — *Прим. пер.*

та. Дорийцы (а среди них и спартанцы, которые строго отделяли себя от остального народа) дольше других эллинов сохраняли свои первоначальные черты: спустя столетия после дорийского нашествия светлые волосы и высокий рост все еще считались характерными чертами спартанца. Это объясняется тем, что, как и в Индии, великий эпос древнего вторжения надолго сохранился в коллективной памяти народа, а расизм дорийцев, наряду с их стремлением оставаться избранной элитой, привел к системе расового разделения, которая на века сохранила черты первоначальных захватчиков.

Название дорийцев происходит от имени Дора, сына легендарной Елены (Елена Троянская называлась Еленой Спартанской). Аристократов называли гераклидами, так как они претендовали на происхождение от Геракла, приписывая ему божественное происхождение. Разделенные на три племени, дорийцы возглавлялись царским родом, а также оракулами и эллинскими жрецами, эквивалентными кельтским друидам. Для гераклидов вторжение в Грецию было номинально божественным повелением от Аполлона «Гиперборейца», их любимого бога.

В течение четырех веков, с 1200 до н. э. по 800 до н. э., наступил этап, который современная историография называет «греческим средневековьем», когда дорийцы возвели себя в ранг местной аристократии и образовали небольшие «феодальные» королевства, постоянно воюющие друг с другом, как это любили делать мигрирующие захватчики из всех эпох. Этот этап был героическим, индивидуалистическим веком личной славы, в котором воины стремились к славному закату. Многие битвы по-прежнему решались поединком чемпионов: вели-

чайший воин одной стороны противостоял лучшему воину другой. Это отражает героический, но глупый менталитет того времени: «сильные уничтожают друг друга, а слабые продолжают жить».

К тому времени Греция еще не достигла образа утонченного воина, эквивалентного средневековому рыцарю: дорийцы все еще были варварами. К лучшему или худшему, но все великие цивилизации начинались с орд воинов и охотников, крепко связанных родовыми узами и дисциплинированных милитаризованным образом жизни. Уже Ницше отмечал важность «варварского» характера в формировании всякой аристократии. По его мнению, даже когда такие захватчики утверждаются и образуют государства, в формах этих поднимающихся государств все равно остается, причем неуловимо, варварский характер.

В период греческого средневековья, в 1104 году до н. э., гераклиды достигли Пелопоннеса. Спартанская история совершенно правильно объясняла, что дорийцы вторглись в Грецию через восемьдесят лет после разрушения Трои и под предводительством царя Аристодема завоевали полуостров. Павсаний (II век, не путать со спартанским принцем, победившим персов в битве при Платее) в своем «Описании Эллады» рассказывает более подробно. Он говорит, что дорийцы из горной области на севере Греции под названием Эта, ведомые Гиллом, «сыном Геракла», изгнали с Пелопоннеса микенских ахейцев.

Однако контрастование последних сдержало их. Затем, в ходе окончательного процесса, названного «Возвращением Гераклидов», дорийцы полностью обосновались на Пелопоннесе и одержали верх над ахейцами, вызвав большие волнения на полуострове. Фраза-догма «Возвращение Гераклидов» была

способом, которым дорийцы оправдывали вторжение в Пелопоннес: знатные дорийские семьи, находящиеся в дальнем родстве с ахейской знатью (и дорийцы, и ахейцы были греками), претендовали на то, что «по праву» принадлежало им.

Новый приток индоевропейской крови благодаря дорийцам в конечном итоге оживит древнюю Элладу, удерживая ее в духовном и физическом авангарде того времени наряду с Персией, Индией, Египтом, который к тому времени уже не был таким, как раньше, и Китаем. На юге полуострова Пелопоннес дорийцы основали свой главный центр — город Спарту, известный также под своим прежним названием Лакедемон. Территория, находившаяся под властью Спарты, была известна как Лакония.

Первоначально Спарта, или Лакедемон, не была собственно городом; она представляла собой «скопление» пяти деревень (Питана, Кеносуры, Мессоя, Лимны и Амикла, первоначально военные гарнизоны), разных, но близких и единых, каждая со своим верховным жрецом. Поселения никогда не имели оборонительных стен, горделиво уверенные в дисциплине и свирепости своих воинов. Анталкид говорил, что «юноши — это стены Спарты, а острия их копий — ее границы». Отсутствие стен помогало им быть начеку и не позволять расслабляться. Гитлер с таким же умонастроением сказал бы: «Слишком большое чувство безопасности в конечном итоге провоцирует расслабление сил. Я думаю, что лучшей стеной всегда будет стена из человеческих тел!»

Спарта, однако, была окружена естественными защитными сооружениями, поскольку располагалась в долине реки Эвротас, между высокими горами, с горным хребтом Тайгет на западе и Парноном

на востоке. Однако отсутствие стен свидетельствует о безопасности и уверенности спартанцев, а также об определенном высокомерии.

В Древней Элладе стали основными три индоевропейских потока: во-первых, грубые дорийцы, говорившие на греческом диалекте, в котором использовались а и г. С другой стороны, мягкие ионийцы, пришедшие до дорийцев из греческого вторжения, одевались в струящиеся одежды в восточном стиле и говорили на более приятном для уха греческом диалекте, в котором использовалось много і и s. Другие народы Греции назывались эолийцами, которые говорили на диалекте, представлявшем собой смесь дорийского и ионийского, и происходили от древних, смешанных ахейцев и в некоторой степени от пеласгов, а позже — от вторгшихся дорийцев и ионийцев, поэтому их иногда ошибочно называют ахейцами.

ПЕРВОЕ РАЗВИТИЕ СПАРТЫ: МЕССЕНСКИЕ ВОЙНЫ

В VIII веке до н. э. Спарта, как и другие народы Эллады, была небольшим городом-государством, где правили монарх и аристократическая олигархия дорийского происхождения. Движимые ростом населения и потребностью в ресурсах и власти, спартанцы обратили свой взор на Запад и решили, что за горами Тайгета, в Мессении, создадут нацию рабов, которые будут им служить.

Геополитика Лаконии не оставляла им выбора: они находились на пересеченной местности и были изолированы горами и несудоходной рекой. Лакония была чем-то вроде сердца, или кардиального региона Пелопоннеса: территория, недоступная для любой державы, которая использовала море как вектор для проецирования своей силы. Поэтому она была хо-

рошо защищена извне, но в свою очередь лаконцы не могли позволить себе море, поскольку побережье было крутым, а для создания порта имелось только одно подходящее место в Гитии, в 43 км от столицы (в отличие от Пирея, который находился совсем рядом с Афинами). Поэтому они не могли последовать примеру афинян, которые перепрыгивали с острова на остров, колонизируя побережья и черпая большое количество пшеницы с северного побережья Черного моря.

С другой стороны, соседнее царство Мессения обладало самыми плодородными равнинами Эллады («хорошо для посева, хорошо для пахоты», — говорил Тиртей; «счастливый луг», как называли его спартанцы). Присоединив ее, они добились бы автаркического снабжения продовольствием и перестали бы полагаться на отдаленные территории, торговлю, купцов, стратегические острова и морские проливы, легко контролируемые врагом или военным флотом.

Кроме того, они не будут космополитизироваться, как это обычно происходит со всеми торговыми государствами. Спарта, таким образом, формировалась как телурократия — геополитическая держава явно континентального типа, противостоящая морской афинской талассократии.

Около 743 года до н. э., когда мессенцы пировали и приносили жертвы своим богам, Спарта послала трех мальчиков, переодетых в слуганок. Эти маленькие солдаты, хорошо обученные, носили под халатами короткие мечи и без труда проникли в беззаботную атмосферу праздника на территории Мессении. Изнутри они преследовали безоружную толпу мессенцев и по сигналу начинали кровавую резню в гуще толпы, пока мессенцы не убили мальчишек. После этого они объединились и, разъяренные, вооружились

и пошли в Лаконию. В разгоревшейся битве пал один из царей Спарты, и началась Первая Мессенская война (описана Тиртеем и Павсанием, которые в свою очередь опирались на Мирона из Приены).

После четырех лет войны и великой битвы ни одна из сторон не вышла победительницей. Это было глухое сопротивление, партизанский стиль, и, вероятно, обычные армии были относительно разбиты после первой битвы. Пока они еще не приняли тактику фаланги или экипировку гоплитов, самыми решительными действиями были ручные удары, набеги и осады. Однако потери мессенцев были столь велики, что мессенский военачальник Аристодем со своими людьми отступил в крепость на горе Ифома и обратился за советом к оракулу. Оракул ответил, что для противостояния спартамцам нужно принести в жертву богам девицу из древнего и уважаемого мессенского рода. Аристодем, которому предстояло стать великим патриотом, без колебаний принес в жертву собственную дочь. Услышав об этом, спартамцы поспешили заключить мир с мессенцами, поскольку, суеверные или нет, они придавали большое значение таким ритуальным вопросам.

Однако через несколько лет спартамцы решили снова напасть на мессенцев. Произошла еще одна большая битва, но победа вновь не досталась ни одной из сторон. И поскольку мессенский царь пал, править мессенцами отправился вождь Аристодем. На пятый год своего правления он смог изгнать со своей территории спартамские войска. Однако Аристодему показалось, что над ним тяготеет мрачное проклятие.

В одном из мессенских храмов из рук статуи богини Артемиды выпал щит. Принесенная в жертву дочь Аристодема явилась в виде бесплотной фигуры

и попросила его снять доспехи. Раздев его, Артемида увенчала его золотой короной, облачив в белое одеяние. Согласно менталитету того времени, все эти предзнаменования означали приближение смерти Аристодема. Древние народы относились к таким вещам очень серьезно. Это было не суеверие, а загадка архетипических знаков, повторяющихся на Земле и вторящих тому, что происходило на небе. Соответственно, черные предчувствия тяготели над Аристодемом. Глубокая депрессия овладела его сознанием. Ему стало казаться, что он и его народ обречены на рабство. Полагая, что напрасно принес в жертву свою дочь, он покончил с собой над ее могилой. Греки говорили, что «того, кого боги хотят уничтожить, они сначала делают безумным».

Война длилась в общей сложности девятнадцать лет, и только спустя это время спартанцы смогли сломить сопротивление мессенцев и разрушить крепость Ифома. Часть мессенцев бежала из Пелопоннеса, а с теми, кто остался, обращались более жестоко, чем с теми же илотами из Лаконии. Их низвели до уровня зависимых крестьян Спарты на мессенской плодородной равнине, а также заставили выплачивать половину урожая с их земли спартанским хозяевам.

Но мессенцев, гораздо более многочисленных, чем спартанцы, не устраивало такое положение второсортных и покорных людей. Через два поколения после Первой Мессенской войны смелый вождь по имени Аристомен, поддержанный государствами Аргос и Аркадия, призвал к восстанию против Спарты. Вслед за этим, в седьмом веке до нашей эры, началась Вторая Мессенская война. С отрядом верных последователей Аристомен совершал многочислен-

ные набеги на спартанскую территорию, даже вырезал два поселения.

Трижды он устраивал жертвоприношение гекатомбы — ритуал, который разрешалось проводить только тем, кто убил более сотни врагов. Мессенцы впервые применили тактику гоплитской фаланги, для которой характерно построение в тесном порядке, баррикадируясь за стеной щитов, из которых безнаказанно выходили копья. Спартанцы еще не переняли эту форму боя с Ближнего Востока и понесли катастрофические потери в битве при Гисиях.

Затем спартанцы обратились к оракулу в Дельфах. Там им посоветовали отправиться в Афины, чтобы найти лидера. Это не должно было обрадовать спартанцев, так как их отношения с Афинами были не очень хорошими, и не радовало афинян по той же причине, но оба государства уважали решения оракула и не возражали. Афиняне, однако, поступили недобросовестно: они послали хромого учителя по имени Тиртей (известный потомкам как Тиртей из Спарты), думая, что он не будет иметь ценности как военачальник.

Однако Тиртей был великим поэтом. Его военные песнопения разжигали боевой пыл спартанцев и поднимали их боевой дух. На следующую битву с мессенцами спартанцы шли уже разгоряченные и в фаланговом бою пели его песни. С таким настроением они победили Аристомена в битве у Большого рва, заставив мессенцев отступить к другой горной крепости под названием Эйра, у подножия которой был разбит спартанский лагерь. Осадное положение, после которого партизаны стали более сильными, чем во время первой войны, продолжалось одиннадцать лет. Аристомену часто удавалось прорвать спартан-

скую осаду в Эйре и направиться в Лаконию, подвергавшуюся грабежам. Дважды он попадал в плен к спартамцам и дважды бежал.

В третий раз он был схвачен вместе с пятьюдесятью своими людьми, и их победоносно провели по Спарте, как будто это был римский триумф. Затем их отвели к подножию горы Тайгет и сбросили со скалы — знаменитой Кеады. Согласно греческой истории, только Аристомен чудом выжил после падения и смог выбраться из пропасти вслед за лисицей. Вскоре он оказался в крепости Эйра перед своими людьми.

Но спартамцы в конце концов внедрились в крепость шпиона, и однажды ночью, после того как Аристомен вернулся из одного из своих рейдов, форт был предан. Говорят, что в последовавшей за этим ожесточенной битве Аристомен был ранен и, собрав самых храбрых воинов, прорвал ряды спартамцев и бежал в Рим, где вскоре умер. Более чем вероятно, что этот миф был создан для того, чтобы возродить гордость мессенцев: даже 250 лет спустя говорили, что Аристомена видели на поле боя сражающимся со спартамцами.

Копьем и мечом спартамцы завоевали достаточно земель, чтобы содержать весь свой народ и поддерживать покорность других народов. Они подчинили себе мессенцев, разбили вражеские толпы, гораздо более многочисленные, чем они сами, и беспрекословно подчинили их своей власти. Прибрежное население Мессении стало своего рода средним торговым и военно-морским классом, а остальная часть страны — простыми илотами (крестьянским сбродом). Охватив всю южную половину Пелопоннеса, включая исконную территорию Лаконии и завоеванные земли Мессении, Спарта стала крупней-

шим государством во всей Элладе — в три раза больше, чем аттическое государство Афины.

В отличие от других эллинских государств, Спарта решила стать континентальной сухопутной державой с компактной территорией, а не заниматься мореплаванием и колонизацией территорий за пределами Греции, как это делали другие эллинские государства в Малой Азии, Италии, на Черном море или в Африке. По крайней мере, частично это было связано с огромным сельскохозяйственным потенциалом: Мессения была самой плодородной в греческом мире, в то время как Афины страдали от хронической нехватки зерна и постоянно были вынуждены отправляться за ним на побережье Черного моря. У Спарты таких проблем не было.

Задумайтесь на минуту о том, как эти битвы, ужасно жестокие и долгие, могли повлиять на характер спартанцев. Мессенские войны навсегда наложили отпечаток на их менталитет. В конечном счете, учителями спартанцев были их собственные враги и войны, которые им навязывали. Именно они заложили в Спарте характерную для нее военную паранойю и подготовку к бою, заставили спартанскую аристократию пережить кризис и в силу необходимости найти лучший способ одержать верх над своими врагами. Спарта никогда не стала бы тем, чем она стала, если бы в бою она столкнулась с трусливым народом. Ведение длительной борьбы с качественными элементами, смелыми и грозными врагами, которыми можно похвастаться, пробудило спартанскую силу. Пожалуй, это единственное преимущество несчастных братоубийственных войн, столь характерных для Европы.